

Две главы орла, в разные стороны смотрящие, в гербе Российской Империи и Российской Федерации. Два пути — один другому противостоящие, и оба неразрывно связанные в судьбе Отечества, в его бытии, в его историософии, мечтах и упованиях. Путь на Восток и путь на Запад.

Александр Блок, обращаясь к Западу, писал в 1918 году:

*Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...*

*Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных роц далёкий аромат,
И Кёльна дымные громады...*

А за два года до того Николай Клюев чертил противоположный вектор русской мысли, русского чувства и русской любви:

*Индийская земля, Египет, Палестина,
Как олово в сосуд, отлились в наши сны.
Мы братья облаков, и савана холстина —
Наш верный поводьёр в обитель тишины.*

В поэзии нашего современника Юрия Ключникова эти два вектора соединены органично и естественно.

В его тщательно и продуманно составленной итоговой книге избранных стихотворений, поэм и переводов “Душа моя, поднимем паруса!”, открывающейся “Стихами о России”, представлены обширные циклы “Французская тетрадь”, “Испанская тетрадь”, “Восточные узоры”. Каждый из этих пластов в его творчестве вскопан глубоко и мощно, и сама по себе эта широта взгляда уникальна в нашей дробящейся и раскалывающей сознание современности. Тут хочешь не хочешь, а вспомнишь о пушкинской воле и объёмности восприятия и воплощения мира, и обращение к Пушкину нашего поэта вполне ожидаемо.

*Когда сегодня новый Штольц зовёт,
Как на пожар, нас во всеобщий рынок,*

*Я очень понимаю свой народ,
Не выбросивший старые перины.
Могу в соломе даже спать, как пёс,
С торговыми порядками не споря,
Пусть надо мной сияет море звёзд
И пушкинское снится Лукоморье.*

“Прологом из “Руслана и Людмилы” // сновидческий во мне струится след...” Высота духа – вот первое, о чём думаешь, читая стихи Юрия Ключникова. Высота, несгибаемость, гармония души и мира, абсолютный лад поэта с самим собой, что, в принципе, редкость в нынешней поэзии, скорее раздёрганной, нервной и дисгармоничной. “Это родина, это Россия, это почерк её вековой...” Постоянное ощущение “векового почерка” и даёт силу и мудрость поэту, и он с высоты прожитых лет в состоянии найти самые точные слова о настоящем с упованием на будущее, мысль о котором сочетается с неколебимой надеждой на окончательную победу добра.

*Лукавые! Вам кажется, что плохи
Дела у нас, но взвесит Судный день
Всю трагедийность сталинской эпохи,
Всё шутовство сегодняшних затей.
Засветятся рассветные одежды
Седьмого дня во мраке трёх шести.
Терпения, смирения, надежды
И красоты, чтоб крест свой донести.*

Эта надежда звучит и в строках “Французской тетради”, где Ключников вспоминает имена великих французов, за которыми стоит великая история страны, погружающейся ныне в первобытный хаос. “Тебя венчали Шарли-короли, великие Бодлеры и де Голли. // Теперь тобою карлики-“шарли” // задумали командовать. Доколе?!” Это “Доколе?!” – не просто крик досады и ужаса. Это призыв к Западу вспомнить своё былое величие, вспомнить своих героев, не склонявших головы перед злом, несправедливостью, неправдой.

*Жива неутоляемая жажда
По Жанне д’Арк, по Сент-Экзюпери,
Не умирает вера, что однажды
Зажжётся свет немеркнувшей зари.*

А на соседних страницах книги – простор и дыхание Востока... “Над нами океан огней небесных, // под нами – склад подземного огня...” И тянется путеводная нить со срединной Руси через Алтай – “Гонят волну плавники белокрылого катера, // гонит с волны восходящее солнце туман, // гонит Алтай все печали мои перекатные // от Артыбаша до дальней реки Чулымшан...” – к долине Кулу, Канченджанге, дуновению Тибета – “Святому торжеству Любви и Света, // святым вершинам вечного Тибета // я шлю ответный зов моих равнин...” – что снова возвращает к Николаю Клюеву, к его Белой Индии.

*На дне всех миров, океанов и гор
Цветёт, как душа, адамантовый бор,
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Чрез сердце избы, где кончается свет.*

В послесловии к книге её составитель, сын поэта Сергей Ключников упоминает один прелюбопытнейший факт: “Увлечённый идеями Н. К. Рёриха, Ключников с группой единомышленников в 1979 году написал письмо властям, где предупреждал их о близости всеобщего кризиса в стране. Он сделал предложение по улучшению идеологии государства и обратил внимание на сакральные знания и опыт Востока, которые, по его мнению, могли бы оживить и одухотворить марксизм. На эти мирные предложения власть совершенно

неожиданно для него ответила репрессия и созданием партийного дела... Борьба завершилась получением строгого выговора по партийной линии с занесением в учётную карточку и увольнением с поста редактора в издательстве “Наука”... Долгий и небесплодный разговор – насколько подобное “одухотворение” было возможно и к каким бы последствиям оно могло привести, но одно совпадение совершенно поразительно: буквально по такому же сценарию в своё время исключали из партии Николая Клюева, стремившегося совместить коммунизм с христианством, которое в его сознании органично сплелось с духовной культурой Индии и одной из любимейших книг которого было апокрифическое “Тибетское евангелие”.

Не только пространства, но и времена соединяет в органическое целое Юрий Ключников. Для него в эпоху разрыва временных пластов крайне важна связь времён, историческое целое, в котором временные пласты не противоречат один другому и не отменяют друг друга. И “воскресение России” – в этой естественной связи.

*Духовный взор
Событий цепью длинной
Ровняет времена в одну строку —
От Куликова поля
До Берлина,
От княжеского сына к скорняку.*

Одно из самых поразительных, дерзких по мысли и совершенных по законченности стихотворений книги – “Письмо священнику”, священнику, непримиримому к советскому периоду Русской Истории.

*Вы Родине нашей вменили в вину
Публично, с амвона, ни мало, ни много,
Что страшную мы заслужили войну
За власть коммунистов, отвергшую Бога.
Ну, что же, тогда и церковный погром
В семнадцатом тоже был горьким лекарством
За несохранённый Синодом Покров
Святой Богородицы над государством.
Но я-то в стихах не виню никого
За нынешние и бывшие невзгоды,
Нам вместе бы с вами вернуть торжество
Священной весны сорок пятого года.*

.....
*Но если вернётся на родину свет,
И знамя победное вновь будет поднято,
Я верю: допишется в Новый Завет
Апостольский грех большевистского подвига.*

Стих Юрия Ключникова прям и точен, как стрела, ясен и прозрачен, как ключевая вода. Он не обременяет его ни избыточной образностью, ни “тёмными” смыслами, ясными лишь ему и узкому кругу “посвящённых”. Он может показаться декларативным, но там, где невнимательный взгляд увидит лишь декларацию, на деле – прямая, разящая мысль, воплощённая чётко и кратко. Ключников прост, как правда, открыт и притягателен, как русский пейзаж, столь любимый им. Читается книга легко и в то же время проникновенно и естественно: нелукавая, чистая, мощная поэтическая речь захватывает читателя, уже не отпускает.

Дополняют книгу вольные переводы из французской поэзии и подражания суфийским поэтам. Это, конечно, не подражания, вольные переложения из Рудаки, Фирдоуси, Хайяма, Ширази. Таинственное и родное, требующее поэтической разгадки, которую поэт осуществляет с редким по пронизательности проникновением в первоисточник. Вообще, Юрий Ключников в своём возрасте поражает своей работоспособностью, за это время выпустил отдельную книгу переводов суфийской поэзии “Караван вечности”, состоящую из 500 переведённых стихотворений!

А если вернуться к французам... Сколько раз переводилась знаменитая “Баллада на поэтическом состязании в Блуа” Франсуа Вийона. Ключников извлекает из старого текста совершенно неожиданный смысл. Все мы помним хрестоматийные строки в переложении Ильи Эренбурга:

*Я сомневаюсь в явном. Верю чуду.
Нагой, как червь, пышней я всех господ.
Я всеми принят — изгнан отовсюду.*

А вот что делает Ключников:

*Своим не верю — верю в чудеса.
А ночевать предпочитаю в сене.
Порой застанет в нём меня гроза.
Я принят Всем, за это изгнан всеми.*

В переводе Эренбурга всё, происходящее с поэтом, — “человеческое, слишком человеческое”. Всё происходит в мире людей — поэт принят людским миром и им же отвергнут. В переводе же Ключникова героя принимает Мироздание или Ойкумена — и за это он изгнан людьми. Смысл происходящего обретает космический характер.

“Ясность поэтической воли” отметил в поэзии Юрия Ключникова Вадим Кожинов. И, пожалуй, это самая точная и объёмная характеристика, которой удостоился поэт, подошедший к 90-летнему возрасту, чьё слово не сдаётся старости. Поистине — “чем старе, тем сильнее”. И в этом убедится любой, взявший в руки книгу “Душа моя, поднимем паруса!”

Ещё пять лет назад поэт Геннадий Иванов, восхищаясь “молодой старостью” поэта, публициста, переводчика Юрия Ключникова и пытаясь осмыслить его место в русской литературе, в своём предисловии к его поэтическому сборнику “Осенняя молитва” написал:

“В наше время из живущих так активно и плодотворно на восьмом десятке лет работают, пожалуй, только Глеб Горбовский и Константин Ваншенкин. Из недавно ушедших так работали в этом или почти этом возрасте Виктор Бок, Николай Тряпкин, Фёдор Сухов, Анатолий Жигулин, Алексей Решетов. Очень хорошие поэты. В этот ряд достойно встаёт Юрий Ключников”.

Присоединяясь к этой оценке творчества русского и советского поэта Юрия Ключникова, добавлю от себя, что он завоевал достойное место в отечественной литературе...